

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Существительные женского рода со значением лица в чешском и русском языке: Тенденции развития

© доктор филологических наук Г.П. Нецименко, 2009

Выбор темы статьи не был случаен. Именно этой проблематике была посвящена моя кандидатская диссертация, работа над которой проходила под руководством Александры Григорьевны Широковой, человека столь близкого и дорогого моему сердцу. Публикуя эту статью, я хотела отдать долг памяти моему замечательному учителю.

В состав диссертации входила большая теоретическая глава, в которой я попыталась с учетом новаторских традиций славянского словообразования, прежде всего русского, чешского и польского, предложить системное описание словообразовательной категории, разработать критерии установления словообразовательной продуктивности, рассмотреть проблему синхронной вариативности словообразовательной структуры слова и т.д. (Нецименко 1960¹; Нецименко 1966 и т.д.). К сожалению, невзирая на рекомендации оппонентов, большая часть диссертации осталась в рукописи.

Работа над диссертацией стала важным этапом в моей последующей научной деятельности, поскольку она определила круг моих профессиональных интересов – это, прежде всего, сопоставительное изучение славянских языков, причем как межъязыковое, так и внутриязыковое (Нецименко 1968; Нецименко 1980; Нецименко 1983). Впоследствии, по мере расширения круга научных интересов была предпринята попытка использования сопоставительного метода при исследовании проблематики не только словообразования, но и социолингвистики. Назовем в этой связи лишь некоторые работы (Нецименко 1980; Нецименко 1999; Нецименко 2005; Нецименко 2005а и др.).

Использование сопоставительного метода при изучении близкородственных языков явилось важным этапом в совершенствовании научной методологии, оно способствовало выявлению глубинных системно-функциональных закономерностей, позволило установить сходства и различия в системах сопоставляемых языков. Не менее важно и сопоставление внутриязыковое, основывающееся на идентичных принципах. Важно подчеркнуть, что этот вид сопоставления может осуществляться как на синхронном, так и диахронном уровнях. При диахронном подходе синхронные срезы одного и

¹ См. рецензию чешского ученого М. Докулила (Dokulil, 1962a), а также соответствующие пассажи в книге того же автора (Dokulil, 1962, s. 80 и далее).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

того же языка выстраиваются во временной последовательности, позволяя наблюдать направленность исторической динамики языка. При синхронном подходе исследователь имеет дело с компонентами языковой структуры, соотнесенными друг с другом в пространстве и во времени. Причем, при установлении пространственной взаимосвязи, исследуемые языковые факты рассматриваются в социолингвистическом ракурсе, т.е. включаются в состав комплекса форм существования этнического языка.

В том случае, если в поле нашего зрения находится историческая динамика языка, особое значение приобретает уникальное явление языковой конкуренции, встречающееся на различных уровнях языковой системы. При изучении словообразовательной конкуренции речь идет о синхронном скоплении изофункциональных деривационных формантов, группирующихся у одних и тех же производящих основ². Нередко сам факт скопления конкурирующих друг с другом дублетов свидетельствует о возникновении в деривационной системе точек напряжения, сигнализирующих о том, что до сих пор еще не найдено³ соответствующее комбинаторное решение. Наличие очагов конкуренции противоречит тенденции языковой экономии, поэтому, как правило, речь идет о кратковременном явлении. В конечном итоге это напряжение снимается либо дифференциацией дублетов, либо полным вытеснением одного из них из употребления, либо, наконец, смещением его на периферию системы (см.: Нешименко 2005: 141).

Сказанное красноречиво подтверждают случаи конкуренции парных феминативов с суффиксами *-Øk(a)* и *-kyn(ě)* у производящих основ на *-tel(Ø)*: *učitel – učitelka, učitelkyně; spisovatel – spisovatelka, spisovatelkyně;*

² В современном литературном русском языке в настоящее время намечается новый очаг конкуренции – это производные с суффиксами женского лица *-k(a)* и *-и(a)*. Приведу некоторые дериваты с суф. *-и(a)*: *авториша, акционерша, ассистентша; банкириша, бизнесмениша, боксерша, билетериша; гидиша, примериша, гомеопатиша; дикториша, депутатша, диджейиша, дискжokeйиша, диспетчерша, дизайнерша, диктаторша; интервьюериша, инспекторша; канцлерша, комментаторша, кассирша, корреспондентша, комендантша, киллерша; лейтенантша; маклерша, музыкантша, музыковедша, мозиканша, модельерша, меценатша, мистификаторша; наркокурьерша; организаторша, операторша, оппонентша; профессорша, парикмахерша, почтальонша, предпринимательша, плантаторша, президентша, продюссерша, партнерша; режиссерша, реквизиторша, рэперша, рэкетирша, редакторша; секретарша, сенаторша, спринтерша, следовательша, снайперша; фараонша, фермерша. У подчеркнутых лексем, судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, есть и соответствия с суф. *-k(a)*. Среди них есть и такой неологизм как *канцлерша*; ср. *В Германии президент Буш обрел нового друга – канцлершу Меркель*. НТВ, Новости, речь корреспондента, 2006. Стоит упомянуть, что компьютерный тезаурус маркирует большинство парных женских номинаций красным цветом, т.е. они отсутствуют в кодификации.*

³ Ср. Диалог двух журналистов: *диджейка или диджейиша. Не знаю, как сказать*. Эхо Москвы, 2003 (подчеркнуто нами. – ГН).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

vychovatel – *vychovatelka*, *vychovatelkyně* и т.п. Факты конкуренции этих суффиксов зарегистрированы не только в словарях, включая словари Й. Юнгмана и Ф. Котта и т.д., встречаются они и в эксцерпциях из литературных текстов того времени. В словарях более позднего времени производные с суф. *-kyn(ě)* в данной структурной позиции практически не приводятся. Это свидетельствует о том, что конкуренция этих суффиксов в указанной структурной позиции завершилась победой производных с суф. *-Ok(a)*.

Необходимо отметить, что суффиксы с консонантом „K“ (*-Ok-*) выделяются среди других формантов исключительной полифункциональностью и продуктивностью (см. по этому поводу: Нешименко 1980), они занимают доминирующее положение в ряде словообразовательных категорий. Мы намеренно акцентируем данный факт, так как некоторые дериватологи полагают, что полифункциональность форманта препятствует его словообразовательной продуктивности⁴.

Своевременная локализация и адекватная интерпретация возникающих очагов конкуренции имеет большое значение, поскольку, образно говоря, это пульс вербальной материи. Именно в местах сосредоточения конкурирующих друг с другом языковых единиц следует ожидать сдвигов в системе. Вполне понятно, что это имеет большое значение для диагностирования направленности языкового развития, выявления очагов динамической иррадиации.

Образование феминативов посредством использования средств аффиксальной деривации имеет в славянских языках длительную историческую традицию⁵. Причем, как правило, для этой цели используются регулярные словообразовательные схемы.

Возрастание научного интереса к образованию наименований женщин стало особенно очевидным с середины XX. в. Это обусловлено рядом причин. Прежде всего следует отметить огромный приток новых номинаций, стимулируемый, несомненно, эмансипацией женщин. Несколько позже этот интерес подогревала так называемая гендерная лингвистика (упомянем в этой связи материалы конференции „Žena – Jazyk – Literatura“, 1996), а также требование соблюдения

⁴ Правомерность данного утверждения полностью опровергает, например, активизация использования универбов, отличающихся ярко выраженной полисемией.

⁵ Не можем не согласиться в этой связи с Я. Губачеком, который ставит под сомнение справедливость тезиса о том, что образование парных феминативов характерно лишь для современного периода, отличающегося активным участием женщин в различных дифференцированных по гендерному признаку профессиях и видах деятельности и что, следовательно, в какой-то мере это обусловлено и социологически, так как демонстрирует с помощью языковых средств равноправие женщины в современном обществе (см.: Hubáček 1996: 271).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

политкорректности⁶. Все это, взятое вместе, предписывало непереносимое соблюдение конкретизации полового признака при обозначении “статусных” лиц, т.е. лиц, занимающих высокие общественные или же профессиональные посты.

Назову некоторые публикации, посвященные данной теме: Šmejrková 1997; Gladrow 1996; Hoffmannová 2004; Hrušková 1967; Łaziński 2005; Ohnheiser 2006; Opravská 2005 atd. Был опубликован и Толковый словарь названий женщин в русском языке (Колесников 2002). Большое количество новых феминативов приводится в следующих словарях: „Nová slova v češtině 1. a 2.“; „Co v slovnících nenajdete“ 1978; „Ruskočeský a česko-ruský slovník neologizmů“ 1999 a 2004. Упомянем также коллективную монографию Института чешского языка Чешской АН, выполненную под руководством О. Мартинцовой: „Neologismy v dnešní češtině“ 2005, которая содержит ценный, очень интересный материал, а также предлагает новые интерпретации языковых фактов.

Парные имена существительные женского рода со значением лица, несомненно, входят в число магистральных номинационных потоков, лексический состав которых очень быстро пополняется, в том числе за счет неологизмов, а также притока иноязычных и иноидиомных заимствований и т.д. В связи с этим есть все основания задуматься над тем, как язык обеспечивает все более возрастающую социальную потребность в данных обозначениях. Этот вопрос интересует не только специалистов, но и обычных пользователей языка. В то время как в чешском языке эта проблема была решена однозначно в пользу парных феминативов, коррелирующихся с существительными мужского рода со значением лица, у польских и отчасти русских лингвистов по-прежнему вызывает споры правомерность родовой корреляции при образовании обозначений лиц, имеющих высокие функции и общественное положение.

В сущности, речь идет о двух возможностях: а) конкретизация пола с помощью суффиксов со значением женского лица; б) использование так называемых универсальных существительных мужского рода с добавлением соответствующих компенсаторов (согласование в роде, в сочетании с приложением и т.д.) и т.д. Важную роль при принятии окончательного решения играют социолингвистические и коммуникативные факторы.

⁶ Как пишет в своей статье „Pani doktor za granicą“ польская лингвистка А. Обрембска-Яблоньска (Obrebska-Jabłońska 1951), в повседневной французской устной речи феминные корреляты используются довольно часто, например, *la doctoresse, la cheffes, la mairresse* и т.д., в литературном французском языке эти и им подобные слова чаще всего имеют пейоративную окраску. Добавим к сказанному, что в современном литературном французском языке проявляется большая толерантность в отношении к парным феминным коррелятам.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Следует подчеркнуть, что сам феномен феминных суффиксов находится на пересечении как словообразовательных, так и социолингвистических координат. Именно эти показатели нами принимались во внимание при определении онтологических параметров данной номинационной категории, а также установлении сферы использования этих имен существительных.

Что касается узуса непринужденного повседневного общения, то здесь ситуация, наблюдаемая во всех славянских языках, практически является сходной⁷. Никакие коррективы, кодификационные предписания и ограничения здесь не действуют, поэтому именно в этих условиях наиболее отчетливо проявляются естественные системные языковые закономерности. Что касается интересующих нас имен существительных, то у них последовательно соблюдается родовая корреляция, передаваемая с помощью деривационных суффиксов. Иными словами, здесь сохраняется укореившаяся веками традиция⁸. Никакие альтернативные номинационные решения здесь не отмечаются.

Как известно, суффиксальное словопроизводство имеет в славянских языках высокую продуктивность, причем это отмечается как на ранних периодах их существования, так и на современном этапе. По словам М. Докулила, именно суффиксация является важнейшим способом словообразования в чешском языке (Dokulil 1962: 23); „*Odvozování příponami (sufixace) je pro češtinu zvláště příznačné a uplatňuje se hlavně v oblasti jména a jen velmi omezeně u sloves*“ (Ibid.: 54). Как отмечает Ю. Фурдик, в чешском и словацком языках примерно две трети слов имеют словообразовательную мотивацию, причем суффиксальные производные здесь полностью доминируют (Furdík 1993: 23 и далее). Не менее красноречивые данные приводит М.Н. Петерсон (Петерсон 1941): префиксальные производные у существительных составляют 4%; суффиксальные – 82 %, сложные слова – 14 %. Как пишет А. Загородникова, в составе новых слов польского языка (2 500 новых единиц) 72 % составляют аффиксальные дериваты (Zagrodnikowa 1982: 243).

Для того, чтобы удостовериться в регулярности использования парных феминативов в повседневной коммуникации, мы проделали

⁷ В задачи настоящей статьи не входит рассмотрение состава деривационных суффиксов и их дистрибуции в словообразовательном поле, несмотря на то, что мы вполне отдаем себе отчет в том, что именно здесь, возможно, будут наблюдаться межязыковые различия.

⁸ В поисках подходящего обозначения женщины носитель языка нередко оказывается в ситуации, когда ему приходится выбирать из ряда синонимов. Проиллюстрируем сказанное на примере узуса древнечешского языка: „*Skutečných „doktorek“ stará doba neměla, starý jazyk tedy jim nevytvořil jména. Někdy se objeví slovo doktorka nebo doktorkyně spíše posměšně v lidových lékařkách; v Hádání Pravdy a Lži pana Ctibora Tovačovského z Cimburka se objevuje Chytrost jako „všech práv doktornice a mistryně“*“ (Naše řeč 1922: 266).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

небольшой эксперимент, целью которого было проведение зондирования речи русских детей⁹. При этом нами были использованы как словарь детской речи С.Н. Цейтлин (Цейтлин 2001), так и наши собственные наблюдения.

Несмотря на то, что у маленьких детей отсутствует какое бы-то ни было представление о кодификации, практически все приводимые ниже производные образованы в соответствии с регулярными словообразовательными типами (в литературном узусе русского языка данные дериваты полностью отсутствуют): словообразовательный тип с *-к(а)*: *врач – врачка*¹⁰; *герой – героика*; *джентельмен – джентельменка*; *доктор – докторка*; *инженер – инженерка*; *капитан – капитанка*; *командир – командирка* и т.д.; словообразовательный тип с *-ниц(а)*: *дворник – дворница*; *герой – героиница*; *друг – дружица* (в нашем материале представлено *дружица*); *продавец – продавница*; *бандит – бандитница*; словообразовательный тип с *-иц(а)*: *продавец – продавица*; *доктор – докторица*; словообразовательный тип с *-их(а)*: *продавец – продавчиха*; *Бармалей – Бармалиха*; *господин – госпожиха*; словообразовательный тип с *-а*: *биолог – биолога*; *монах – монаха*; *брат – брата* (вместо *сестра*); *друг – друга*; *дурак – дурака*; *сосед – соседа* (этот тип образования в литературном языке используется крайне редко; ср. русский неологизм *шейх – шейха*; чеш. *tagistr – tagistra* и т.д.). Отмечены и случаи вариативного словообразования; см., напр. *продавец – продавица, продавница, продавчиха*; *герой – героика, героиница*; *друг – друга, дружица, дружница*.

В литературном узусе межъязыковые различия проявляются гораздо сильнее. Возможно, здесь сказывается регулирующая коррекция кодификации. Невзирая на то, что кодификация формируется на основе научного обобщения системных языковых закономерностей, она одновременно отражает и направленность языковой политики, проводимой в тот или иной период жизни социума. Последнее обстоятельство представляется нам чрезвычайно важным, так как оно делает возможным внешнее, порой субъективное вмешательство как в языковую структуру, так и в функционирование языка. При этом зачастую не учитывается, что наличие слишком большой дистанции между кодификацией и системными языковыми закономерностями может способствовать возникновению коммуникативного дискомфорта.

⁹ По словам К. Чуковского, маленькие дети (в возрасте до шести лет) являются „гениальными лингвистами“, они обладают замечательной языковой интуицией, тонко ощущают регулярность словообразования по аналогии.

¹⁰ Данный пример приводится в письмах радиослушателями „Эхо Москвы“ (2006) как образец детской речи.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

В современном чешском языке последовательное употребление парных феминативов характерно не только для повседневной непринужденной речи, но и для литературного узуса. Не будет преувеличением сказать, что в этом фрагменте словообразовательной системы различие между кодификацией и системными языковыми закономерностями является практически незначительным. Сказанное в полной мере распространяется и на обозначения женщин, занимающих статусное положение; ср.: *akademička, profesorka, docentka, prezidentka* и пр.

Формированию литературной нормы в этом случае, разумеется, предшествовали дискуссии в лингвистической печати, их освещение можно найти на страницах журнала „*Naše řeč*“, который не только узаконивал употребление парных феминативов, но и пытался искоренить обозначения типа *slečna doktor Nováková, paní poslanec Víková-Kunětická, slečna jednatel, slečna předseda*. „*To je nesmysl do nebe volající ... Stavovská pojmenování žen u našich předků i v lidu mají koncovku -ová nebo -ka. Žena panovníkova i nevdaná nebo ovdovělá panovnice byla císařová, králová; mistrová je žena mistrova nebo samostatná majetnice nebo správkyňe živnosti; máme učitelky, ředitelky, mlynářky atd.*“ (Naše řeč 1918, 2: 156 и далее)¹¹. Журнал призывал сохранять древнюю чешскую традицию: „*Tato dnešní pošetilost nerozeznává pohlaví na slovech, na nichž je čeština a slovanština vůbec rozeznává, má posilu, ne-li pramen, v některých cizích jazycích, v nichž cit pro lišení rodu není tak živý jako u nás. Kdo říká ženě doktor, profesor, poslanec, znatel, milovník obrazů apod., vraždí tvárnost českého jazyka, protože náš jazyk má příslušné tvary docela nasnadě*“ (Naše řeč 1922, 1: 25).

О том, насколько сложно порой проходило „оживление“ новых парных феминативов, можно судить по имеющимся в нашем распоряжении эксерпциям, относящимся к более раннему периоду: *Španělské diplomatky, žena-ministr a poslankyně* (Rozséváčka, 1938, N 2); *V Anglii zemřela Ellen Wilkinsonová, britský ministr výchovy* (Vlasta, 1947); *Po absolvování odborného kursu je činná jako mistr-seřizovač* (Vlasta, 1951); *Zuzka Kirchnerová se stala elektromontérem* (Mladá fronta, 1958); *Režisérka a dramaturg* (Vlasta, 1957); *Chemička a farmakolog* (Vlasta, 1957) и т.д.¹¹ С трудностями было сопряжено и образование парных феминативов от некоторых еще не освоенных заимствований: *Jak si na*

¹¹ О тех трудностях, с которыми сталкивается пользователь языка, можно судить и по следующему примеру: „*Podle stanov České ústřední jednoty velocipedistů z roku 1885 mohly být „ženštiny“ členy klubu, přesto, že bylo sáhodlouze debatováno, jak jmenovat jezdkyňe (jeden návrh byl na „cyklistyňky“), přesto nebylo v klubech mnoho snahy u jejich přijetí do klubů. Akademický cyklistický odbor Slavia uspořádal 15. Října 1894 na žižkovské Ohradě velké národní závody. Zlatým bodem programu byla jízda dam, závod poprvé v Praze veřejně konaný, který překonal všechno očekávání. Elegantní úbory našich sličných cyklistyňek těšily se zasloužené pozornosti četných přítomných dam.* Vlasta, 1969.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

*práci spíkra*¹² zvykla Iva? Vlasta, 1983, диалог с модератором передачи TV; *česká kulturní atašé* и пр. Встречаются и случаи избыточного употребления конструкций, включающих приложение: *Zlidštění pracovních a životních podmínek žen-dělnic*. Rudé právo, 1981; *otázka pro ženu-jazzmanku*. Melodie, 1983.

В некоторых случаях отказ от конкретизации пола лица мотивируется выполняемой им функцией; ср.: *Je pozoruhodné, že tomuto městu vládne žena. Je málo tak velkých měst, která mají starostku. Frakce ji navrhla na úřad vrchního starosty v Postupimi*. Vlasta, 1968; *Tento mail je určen pro paní profesor Galinu N.* (комментарий к адресу электронной почты, 2006)¹³; *Vlasta Housková, pracovník vyměřovacího oddělení*, 2004, подпись под справкой; *Smlouva o převodu obchodního podílu ve společnosti s ručením omezeným Lenka Procházková (dále jen převodce)*, 2005, юридический текст; *Níže uvedený cizinec – zahraniční vědecký pracovník přijíždí na základě pozvání Akademie věd České republiky k pobytu, jehož účel je specifikován v odstavci 1 tohoto potvrzení. Jméno a příjmení: Galina N.*, 2005, официальный документ.

В литературном узусе русского языка используются как парные феминативы (родовые корреляты), так и существительные мужского рода с несловообразовательными конкретизаторами пола (согласование, указание имени лица, фамилии, комбинация, включающая приложение). Парные феминативы встречаются обычно при обозначении лиц, занимающихся физическим трудом или спортом, т.е. в тех случаях, когда признак пола имеет значение для характера выполняемой деятельности (*аккумуляторщица, бетонщица, укладчица* и т.д.; *биатлонистка, каратистка, хоккеистка, многоборка, фигуристка* и пр.). Касается сказанное и обозначений лиц, выполняющих те виды деятельности, в которых, главным образом, заняты женщины (*учительница, билетерша* и пр.). При обозначении женщин, имеющих титулы, выполняющих значимые общественные функции, в соответствии с кодификационными предписаниями употребляются существительные мужского рода, имеющие не словообразовательные конкретизаторы, например, согласование (*врач пришла*), указание фамилии (*врач Иванова*), комбинация с приложением (*женщина-врач*) и т.д. Что касается использования приложения, то в современных медийных русских текстах оно встречается довольно часто: *Выступала женщина-депутат*, Новая газета 2001; *женщины-камикадзе*, Там же 2002; *амбициозная женщина-политик*,

¹² Ср. употребление в сходной структурной позиции более нового образования *lidryně (lídr)*.

¹³ См. пример гиперкорректности в тексте личной записки (70-е годы): *paní doktor, volal Vám* (автор этой записки – женщина – в ситуации обычного устного общения говорила: *paní doktorko*).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Эхо Москвы 2006, модератор. Есть случаи, когда уточнение пола лица посредством использования приложения является совершенно излишним: женщины-художницы, женщины-пенсионерки, женщины-бетоницы, женщина-террористка, женщина-бомбистка, женщина-подрывница, женщина-террористка, женщина-спринтера, Новая газета 2000, 2001, 2002, 2006 и т.д.¹⁴

Сложно обстоит дело с использованием парных феминативов в польском языке. Прежде всего, мы хотели бы отметить, что именно через этот лексический пласт проходит граница между повседневной непринужденной речью и литературным узусом: „przy tytułach mamy skłonność używania jednej formy dla obu płci, a więc słyszy się: *pani doktor*, *pani profesor*. Lud nie dba o takie rzeczy i nie robi różnicy między tytułem a nazwą zajęcia; mówi więc *pani profesorka* (= *pani nauczycielka*), *pani doktorka* (= *pani lekarka*)“ (Benni – Obrębska 1933: 184).

Острые проблемы языковой культуры стали предметом лингвистической дискуссии, вспыхнувшей между журналами „Język polski“ и „Poradnik językowy“. Журнал „Język polski“ целенаправленно насаждал маскулинизацию при обозначении лиц женского пола, имеющих те или иные титулы, звания и пр. При этом не принималось во внимание то, что это противоречит как традиционной литературной норме, так и норме повседневной непринужденной речи.

Тенденция внедрения маскулинизации в литературный польский язык отмечается после второй мировой войны. Красноречиво об этом пишет В. Дорошевский в своем труде „Rozmowy o języku (Doroszewski 1948). В нем он упоминает о том, что образование парных суффиксальных феминативов опирается лишь на языковую традицию, а отнюдь не на современную реальность: „Jeżeli kobieta obejmuje stanowisko ministra, to ma ona czynić na tym stanowisku to, co czyni minister-mężczyzna, a stąd wynika, że gdybyśmy ujmowali tę sytuację tylko w kategoriach społecznych, to nie zachodziłaby potrzeba tworzenia dla ministra-kobiety innej nazwy niż dla ministra-mężczyzny. Bo nazwa powinna się wiązać nie z jakąś uboczną cechą osoby pełniącej daną funkcję, ale z wykonywaniem samej funkcji.

¹⁴ В имеющихся у нас эксцерпциях отмечено несколько способов обозначения женщины, являющейся режиссером: *Она была очень хорошая режиссерша*, Эхо Москвы, 2004, беседа с русским эмигрантом князем Васильчиковым, постоянно проживающим во Франции, отражается старая норма русского литературного языка; *фильм болгарской по рождению и бельгийской по диссидентской своей планиде режиссерши Златины Русевой*, Новая газета, 1999, рецензия; *Началом знакомства сибирской публики с острой и больной эстетикой самой известной московской женщины-режиссера*, Новая газета, 2001, рецензия. Пример межязыковой интерференции был нами зафиксирован в торжественном выступлении официального представителя чешского посольства в России на фестивале чешских фильмов (2002): *Я очень рад, что здесь присутствуют две наших режиссерки*. Чешский дериват *režisérka* характерен для чешского узуса, в русском языке он пока что не употребляется.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Pewien kłopot z tym, jak nazywać kobietę-ministra, powstaje z przyczyn tylko formalno-językowych, stąd, że jesteśmy wdrużeni do używania form rodzaju gramatycznego i wydają nam się one niezbędne. (W zasadzie sprawa płci ministra jest tak samo pozbawiona związku z jego funkcją społeczno-państwową jak i kolor jego oczu)... Jeżeli kobieta jest ministrem, magistrem i tak dalej, to trudno powiedzieć o niej inaczej niż: to jest minister, magister, profesor, doktor“ (Doroszewski 1948: 69 и далее). В. Дорошевский говорит также о двух тенденциях в образовании профессиональных обозначений: акцентирование признака пола – игнорирование признака пола, т.е. акцент ставится на выполняемой лицом общественной функции (см. Doroszewski 1948: 72). Сам В. Дорошевский высказывается в пользу второй тенденции¹⁵.

О войне¹⁶ между двумя тенденциями – традиционной и новаторской – говорит З. Клеменевич. Согласно ему, традиционная тенденция „zaleca odrębne formalne nazwy zawodów kobiecych“, в то время как новаторская тенденция „przemawia za zachowaniem wspólnej formy, gramatycznie męskiej, dla obu płci“ (Klemensiewicz 1957: 111). Как мы видим, речь идет не только о „войне“ между упомянутыми тенденциями, но одновременно дается и их качественная оценка (тенденция традиционная / тенденция новаторская). З. Клеменевич делает и соответствующий прогноз: после пятидесятилетнего единоборства тенденция „традиционная, извечная“ должна потерпеть поражение, в то время как тенденция новаторская, т.е. „przyznawania kobietom męskich tytułów zawodowych“, одержит окончательную победу, поскольку „zostaje ona *docentem, adiunktem, lekarzem, adwokatem, sekretarzem*“ (Klemensiewicz 1957: 103).

Против позиции журнала „Język polski“ отчаянно боролся „Poradnik językowy“: „epoka, w której kobiety zaczęły nauczać, wydawać poezje itd., zaznaczył się w języku powstaniem nazw: *nauczycielka, poetka, urzędniczka* itp. – jest rzeczą naturalną, że w czasach, gdy kobiety otrzymują doktoraty, katedry itd., tworzą się odpowiednie tytuły, jak *doktorka, docentka, profesorka, adwokatką*“ (Poradnik językowy 1934, 3: 46 и т.д.). Позиция, занимаемая журналом „Poradnik językowy“, суть которой состояла в поддержке традиционной концепции, оценивалась как пуристическая.

Создается, впрочем, впечатление, что ставить окончательно точку в этой дискуссии, еще рано, несмотря на то, что польский лингвист М.

¹⁵ Толерантность проявляется лишь в отношении к некоторым обозначениям: „Stąd nie wynika oczywiście, abyśmy mieli wyprzedzać zwyczaj językowy, który zresztą może się rozwijać zygzakami, i nazywali studentką, ignorując jej płeć, studentem. Nie.“ (Doroszewski 1948: 73).

¹⁶ Об эмоциональности этой дискуссии свидетельствует, помимо прочего, использование военной терминологии: *totalna wojna z uniwersalnym maskulinum, totalna walka, kapitulacja* и пр.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Лазиньский твердо верит в победу „univerzálního maskulina“: „Totalna wojna z uniwersalnym maskulinum nie ma w polszczyźnie wielkich szans powodzenia, ponieważ prowadzi do zbyt dużej redundancji tekstu, choć jest częściowo uzasadniona psychologicznie. (Laziński 2005: 144). Судя по приведенной цитате, напряженность по-прежнему сохраняется.

Утверждение о большей экономичности универсального мужского рода представляется нам неправомерным, поскольку механическая компактность на практике может привести к информационному дефициту¹⁷, для покрытия которого нужно будет вводить в текст дополнительные уточнения и комментарии.

В целом можно сделать следующее обобщение: в середине XX. в. в литературном чешском языке более или менее последовательно использовались парные суффиксальные феминативы; в литературном польском языке более прочные позиции занимала маскулинизация; литературный русский язык занимал несколько промежуточное положение.

Не намереваясь выступать в роли арбитра в полемике, проходящей в польской лингвистике, позволим себе все же высказать несколько замечаний.

Нам кажется концептуальной ошибкой то, что на основе процессов, наблюдаемых лишь в литературном узусе, делается типологическое обобщение о системных параметрах языка в целом. Мы имеем в виду разделение языков на конкретные и абстрактные. К языкам с преобладанием абстрактности, прежде всего, относился язык английский, отчасти французский. Именно в этом направлении должен был бы развиваться и польский язык. В связи с этим высказывалось предположение о том, что целенаправленная маскулинизация могла бы способствовать большей абстрактности и польского языка (использование средств словообразования рассматривалось как проявление конкретности).

Во всех этих типологических обобщениях, по нашему мнению, не учитывалось то, что в действительности речь шла лишь о кодификационных предписаниях. Иными словами, происходила подмена системных языковых закономерностей – кодификацией, национального (этнического) языка – языком литературным. Данная подмена отнюдь не была случайной, она была обусловлена ошибочностью используемой социолингвистической концепции, которую можно было бы определить

¹⁷ Журнал „Poradnik językowy“ приводит в качестве отрицательного примера текст следующего объявления: „*Dr. J. Krzywy ordynuje w chorobach skórnych itd. A jest kobieta*“ (Poradnik językowy, 1925, 1: 15-16).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

как литературноцентристскую и стратификационную¹⁸. Суть этой концепции состоит в квалификации литературного языка как самой престижной, самой перспективной, универсальной формы существования этнического языка. Все остальные языковые идиомы занимают в шкале ценностей более низкое положение, со временем все они должны исчезнуть. Как нам представляется, польская лингвистическая дискуссия наглядно показала уязвимость литературноцентристской концепции.

Начиная со второй половины XX. столетия активизируются новые социолингвистические и коммуникативные факторы, влияние которых, судя по всему, будет долговременным. В этой связи следует, прежде всего, упомянуть о происходящем изменении речевого стандарта публичного общения в направлении “массовизации”, “устнизации”, усреднения узуса. Большую роль в этом играют новые электронные информационные технологии. Приоритетное положение в этот период начинают занимать устные СМИ, характеризующиеся повышенной коммуникативной интерференцией, большей толерантностью в отношении к узусу повседневного, непринужденного общения. Именно узус устных медийных средств становится ныне эталоном вербальной культуры, нормообразующим фактором в узусе публичного общения (см. по этому поводу: Нешименко 1999а; Нешименко 2001; Нешименко 2003 и т.д.). В свете этих изменений переоценка действующих кодификационных предписаний становилась неизбежной.

Что касается обозначений лиц женского пола, то здесь отчетливо проявилась активизация словообразовательной фиксации родо-половой корреляции, возрастания ее продуктивности. В аспекте тенденции языковой экономии суффиксальные производные являются более компактными. Благодаря этому их использование способствует решению проблемы насыщения каналов коммуникативной связи большим количеством информации, ускорению ее доведения до адресата.

Предпочтительное использование парных существительных женского рода со значением лица¹⁹ постепенно становится характерной приметой узуса публичной коммуникации на русском языке. Это можно отчетливо проследить на материале неологизмов, у некоторых из них даже уточняется время их появления: *сидят замаскированные боевики и боевички* (появился такой неологизм во вторую чеченскую войну). Новая газета, 2000; *пограничницы появились в Шереметьево*. Телевидение,

¹⁸ Подробный анализ этой концепции представлен в монографиях (Нешименко 1999а; Нешименко 2003).

¹⁹ Примечательно, что в телевизионных новостях (2002) вначале употреблялось описательное обозначение *женщина-смертник*, однако годом позже в газете нам встретился суффиксальный дериват *смертница*.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Новости, 1997; симпатии зрителей, дружно подбадривавших “боксерку” (вполне законный неологизм с 9 октября). Московский комсомолец, 1999²⁰.

В результате межидиомной интерференции в литературный узус постепенно проникают некоторые словообразовательные суффиксы, истинная принадлежность которых к разговорному узусу, является совершенно очевидной. Проиллюстрируем это на примере случаев конкуренции феминных суффиксов *-к(а)* и *-ш(а)*, причем, суф. *-ш(а)* вполне успешно конкурирует с самым продуктивным суффиксом *-к(а)*. Выше уже упоминалось об этом новом очаге конкуренции, появившемся в современном литературном русском языке. Приведу списком некоторые парные феминативы с суф. *-ш(а)*: авторша, акционерша, ассистентша; банкирша, бизнесменша, боксерша, билетерша; гидша, гримерша, гомопаташа; дикторша, депутатша, диджейша, дискжockeyша, диспетчерша; дизайнерша, диктаторша; интервьюерша, инспекторша; канцлерша, комментаторша, кассирша, корреспондентша, комендантша, киллерша; лейтенантша; маклерша, музыкантша, музыковедша, могиканша, модельерша, меценатша, мистификаторша; наркокурьерша; организаторша, операторша, оппонентша; профессорша, парикмахерша, почтальонша, предпринимательша, плантаторша, президентша, продюссерша, партнерша; режиссерша, реквизиторша, рэперша, рэкетиерша, редакторша; секретарша, сенаторша, спринтерша, следовательша, снайперша; фараонша, фермерша. У некоторых производных с суффиксом *-ш(а)*, выделенных с помощью подчеркивания, отсутствуют, по крайней мере, в нашем материале конкуренты с суф. *-к(а)*. Иными словами, они являются единственными феминативами в соответствующих словообразовательных гнездах. В приведенный перечень включены и недавние неологизмы, например, канцлерша; ср.: В Германии президент Буш обрел нового друга – канцлершу Меркель. НТВ, Новости, речь корреспондента, 2006. Заметим, что компьютерный тезаурус маркирует большинство феминных обозначений красным цветом, что говорит о том, что они не учитываются в кодификации.

Нельзя, впрочем, не признать, что разговорный шлейф у дериватов с суф. *-ш(а)* все же ощущается. Сказанное относится и к боксеркам, футболисткам, бизнесменкам. Со временем, однако, эта стилистическая окраска, очевидно, потускнеет.

Изменение вербального стандарта публичного общения облегчает приток включений из повседневного узуса в литературный, усиливает вариативность и конкуренцию при образовании новых слов. Это позво-

²⁰ Ср. чеш. že prý se ženy vyrovnají mužům i ve sportu. Ponecháme-li stranou pro důkaz chybějící vzpěračky, boxerky a zápasnice – alespoň v našich podmínkách. Vlasta, 1980.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

ляет взглянуть по-новому на проблему выработки кодификационных предписаний, смягчает категоричность запретов, открывает перспективы для принятия новых номинационных решений.

Вполне естественно, что в новой ситуации вряд ли может иметь будущее литературноцентристская, стратификационная концепция. В связи с этим возникает необходимость в рассмотрении обсуждаемых проблем через призму социолингвистики и коммуникативистики. Именно к этому мы и стремились, разрабатывая концепцию бинарного членения коммуникативного и языкового пространства, основывающуюся на оппозиции регулируемого и нерегулируемого речевого поведения²¹.

Категория парных существительных женского рода со значением лица привлекает внимание исследователя своей динамичностью. Она находится в движении. Это особенно касается русского и польского литературных языков²², в которых их деривационные потенции довольно длительное время намеренно сдерживались.

Результаты изучения феномена парных феминативов могут быть полезны при решении целого ряда актуальных теоретических проблем. Сделанные наблюдения и выводы могут стать импульсом для нового подхода к таким проблемам как наличие взаимосвязи между кодификацией и системными закономерностями языка, между системой и нормой языка. К сожалению, в рамках короткой статьи все эти вопросы могут быть затронуты лишь вскользь.

Л и т р а т у р а

- Колесников 2002: *Колесников Н.П.* Толковый словарь названий женщин. Москва, 2002.
Нещименко 1960: *Нещименко Г.П.* Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР 19. 1960. С. 159–202.
Нещименко 1966: *Нещименко Г.П.* Явление асимметрии у существительных со значением лица в чешском языке // Советское славяноведение, 1966, 2. С. 31–40.
Нещименко 1968: *Нещименко Г.П.* История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII–XX в. (Прилагательное). Москва, 1968.
Нещименко 1980: *Нещименко Г.П.* Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка. Praha, 1980.

²¹ Эта концепция была мною впервые публично представлена в 1985 г. на заседании Лингвистического объединения Чехословацкой академии наук в Брно. После длительного апробирования этой концепции на языковом материале, полностью подтвердившем ее правомерность, я предложила ее научной общественности вначале в виде многочисленных публикаций в России и за рубежом, а затем и в виде монографий (Нещименко 1999а; Нещименко 2003).

²² Примечательно, что Т. Смулкова приводит в составе современных польских неологизмов суффиксальные дериваты *bisnesmenka*, *menedżerka*, *bioterapeutka* (Smółkowa 2002: 110).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

- Нещименко 1983: *Нещименко Г.П.* О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. Москва, 1983. С. 30–52.
- Нещименко 1999: *Нещименко Г.П.* Словообразовательная конкуренция как фактор динамики литературной нормы // Проблемы славянской диахронической социолингвистики. Динамика литературно-языковой нормы. Москва, 1999. С. 240–269.
- Нещименко 1999а: *Нещименко Г.П.* Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков // *Specimina Philologiae Slavicae*. Band 121. München, 1999.
- Нещименко 2001: *Нещименко Г.П.* Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания, № 1, 2001. С. 98–132.
- Нещименко 2003: *Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. Москва, 2003.
- Петерсон 1941: *Петерсон М.Н.* Лекции по современному русскому литературному языку. Москва, 1941.
- Цейтлин 2001: *Цейтлин С.Н.* Словарь детских словообразовательных инноваций // *Specimina Philologiae Slavicae*. Band 132. München, 2001.
- Benni – Obrębska 1933: *Benni T.– Obrębska A.* „Sportswoman“ chce się widzieć z panią doktorką // *Język polski*, 1933, XVIII, z. 6.
- Co v slovníčích nenajdete 1978: *Co v slovníčích nenajdete*. Novinky v současné slovní zásobě. Praha, 1978.
- Čmejrková 1997: *Čmejrková S.* „Jazyk pro druhé pohlaví“ // *Daneš F. a kol.* Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997. S. 146–158.
- Dokulil 1962: *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
- Dokulil 1962a: *Dokulil M.* Nová sovětská práce o tvoření slov v češtině // *Slovo a slovesnost* 23, 1962. S. 137–142.
- Doroszewski 1948: *Doroszewski W.* Rozmowy o języku. Warszawa, 1948.
- Doroszewski 1954: *Doroszewski W.* Rozmowy o języku. Warszawa, 1954, cep. 4
- Furdík 1993: *Furdík J.* Slovtvorná motivácia a jej jazykové funkcie. Levoča, 1993.
- Gładrow 1996: *Gładrow A.* „Belebtheit, Personalität und Sexus im Tschechischen und Slowakischen im Vergleich mit dem Deutschen“, *Slawische und deutsche Sprachwelt. Typologische Spezifika der slawischen Sprachen im Vergleich mit dem Deutschen*. Frankfurt/M., 1996. S. 196–202.
- Hoffmannová J. 2004: *Hoffmannová J.* „Ženy a muži v časopisech pro ženy: role, perspektivy, výrazové stereotypy“ // *Stylistika* XIII, Opole, 27–34.
- Hrušková 1967: *Hrušková Z.* Jména přechýlená. In: *Tvoření slov v češtině 2., Odvozování podstatných jmen*. Praha, 1967. S. 536–551.
- Hubáček 1996: *Hubáček J.* K tvoření názvů přechýlených // *Žena – Jazyk – Literatura*. Sborník z mezinárodní konference. Ústí nad Labem, 1996. S. 271–273.
- Klemensiewicz 1957: *Klemensiewicz Z.* Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki // *Język polski*, XXXVII, z. 2, 1957. S. 101–119.
- Łaziński 2005: *Łaziński M.* Czy gramatyka może przeszkadzać w rozmowie kobiety i mężczyzny? In: *Bariery i pomosty w komunikacji językowej Polaków*. Lublin, 2005. S. 119–146.
- Něščimenko 2005: *Něščimenko G.* Tendence verbální úspornosti a její vliv na jazykovou dynamiku // *Jazyky a jazykověda*. Sborník k 65. narozeninám prof. F. Čermáka. Praha, 2005. S. 139–151.
- Něščimenko 2005a: *Něščimenko G.* K vývojovým tendencím v slovanské slovtvorbě (se zvláštním zřetelem k češtině), *Verba et historia*, Igoru Němcovi k 80. narozeninám. Praha, 2005. S. 255–264.
- Nová slova v češtině 1.: *Nová slova v češtině*. 1. Slovník neologizmů, Praha 1998.
- Nová slova v češtině 2.: *Nová slova v češtině*. 2. Slovník neologizmů, Praha 2004.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

- Ohnheiser 2006: Zwischen Möglichkeit, Notwendigkeit und Usus: Neue Bezeichnungen weiblicher Personen im Tschechischen mit einem Blick auf das Russische // Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 65, 2006. S. 231–244.
- Opavská 2005: *Opavská Z.* Nová pojmenování ženských osob // Kolektiv autorů pod vedením O. Martinové. Neologismy v dnešní češtině. Praha, 2005. S. 40–53.
- Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů 1999: Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů. Praha, 1999.
- Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů 2004: Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů. Praha, 2004.
- Smółkowa 2002: *Smółkowa T.* Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej. Kraków, 2002.
- Zagrodnikowa 1982: *Zagrodnikowa A.* Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie. Kraków, 1982.
- Žena – Jazyk – Literatura 1996: Žena – Jazyk – Literatura. Sborník z mezinárodní konference. Ústí nad Labem, 1996.